© 2018 г.

Н. П. ТАНЬШИНА

К 150-летию ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ: ОТ ГЕРЬЕ ДО «НОВОЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ»

Таньшина Наталия Петровна — доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 — 2020 гг., договор № 14.Z50.31.0045.

DOI: 10.31857/S013038640002044-6

150 лет назад, 6 сентября 1868 г., Владимир Иванович Герье начал читать курс лекций по истории Французской революции в Московском университете¹. Этим, на первый взгляд, вполне рядовым событием можно датировать рождение отечественной традиции изучения Французской революции.

За минувшие полтора столетия произошли грандиозные изменения в нашей стране. Нет Российской империи, когда возникла «русская школа» во главе с Герье, нет Советского Союза, когда эта школа была заклеяна позором как «буржуазная» и благополучно забыта вплоть до 1950-х годов, когда началась ее постепенная реабилитация. Нет того поколения историков, которые в послевоенные годы составляли основу советской школы изучения Французской революции: Б. Ф. Поршнева, В. М. Далина, А. З. Манфреда, А. В. Адо, Г. С. Кучеренко.

Менялось название страны; менялось наименование событий во Франции конца XVIII столетия — Великая французская революция, Французская буржуазная революция, снова Великая французская революция и, наконец, как принято во всем мире, просто Французская революция. Неизменным оставалось лишь само слово — «революция». Хотя и здесь бывали исключения: например, в РГГУ начала 2000-х годов некоторые преподаватели изучали со студентами «Великий страх», именуя таким образом тему по Французской революции. Менялись хронологические рамки Революции (будем именовать ее с заглавной буквы): от 1789—1794 гг. к 1789—1799 гг., и даже 1789—1814 гг. Поэтому сейчас уже не вполне корректно применять к ней сочетание «Французская революция конца XVIII века».

Эта статья не претендует и не может претендовать на полномасштабный обзор и анализ всего 150-летнего периода существования российской историографии Французской революции. Наверное, один лишь библиографический список трудов отечественных историков по данной теме занял бы весьма объемистый том. Тем более в последние годы появился целый ряд работ, посвященных осмыслению ее различных аспектов. Это историографические статьи и монографии Д. Ю. Бовыкина², А. В. Гордона и А. В. Чудинова³.

¹ См.: *Иванова Т. Н.* В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье). — Великая французская революция и Россия. М., 1989, с. 153—164.

² *Бовыкин Д. Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки). — Новая и новейшая история, 2007, № 1.

³ *Гордон А. В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918—1941. Саратов, 2005; *его же.* Великая Французская революция в советской историогра-

Вполне допускаю, что написание подобной обзорной работы по историографии Французской революции исследователем не из «корпорации» может вызвать упреки со стороны членов таковой. Как-то Д. Ю. Бовыкин в своей рецензии на монографию А. В. Гордона отметил, что подобную работу мог написать только человек, находящийся внутри корпорации, а потому знающий ее внутреннюю кухню и владеющий текущей ситуацией⁴. Моя же статья — это скорее взгляд со стороны на историю этой корпорации. В то же время это взгляд не совсем «стороннего наблюдателя», поскольку, так или иначе, этой теме я касаюсь в своих исследованиях: нельзя изучать историю постреволюционной Франции в отрыве от Революции. Как писал в свое время видный французский политик и историк Франсуа Гизо (1787—1874), чей отец погиб на гильотине, революция — «дочь прошлого и мать будущего»⁵. И хотя моими учителями не были историки Французской революции, а сама я не занималась специально этой темой, как и любой исследователь, я активно изучала научную литературу в количестве, надеюсь, достаточном для того, чтобы сформировать о ней более или менее подробное представление и составить о существующих в ней тенденциях собственное мнение, разумеется, совершенно субъективное.

* * *

В. В. Согрин, выступая на Парижском конгрессе историков в юбилейном 1989 г., подчеркнул, что Французская революция оказалась «одним из самых providentialных явлений во всемирной истории»⁶. Что касается России, то, как отмечает А. В. Чудинов в работе «Французская революция: история и мифы», из всех событий, произошедших в других странах, пожалуй, ни одно не оказало такого влияния на российское общественное сознание, как Французская революция. Как подметил в свое время А. И. Герцен, «мы также пережили Руссо и Робеспьера, как французы»⁷. Интерес к ее истории долгое время носил в нашей стране далеко не только академический характер. Уже в XIX в. она стала не только явлением русской культуры, но и частью исторической памяти российской интеллигенции⁸. Более того, ее образ, сложившийся в русской культуре XIX столетия, принадлежал скорее к сфере сакрального, нежели к области сугубо научного знания. Характерно, что нигде, кроме России, даже в самой Франции, революцию не именовали «великой». Процесс же формирования этого образа происходил через сознательное забвение исторических реалий, противоречивших идеализированному представлению о Революции⁹.

Итак, российская историография Французской революции началась с лекций В. И. Герье. В последующие три десятилетия Герье, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский, их ученики, а затем ученики их учеников буквально на пустом месте, при полном отсутствии какой-либо традиции изучения Революции в нашей стране, создали одну из ведущих в мировой историографии научных школ, получившую

фии. М., 2009; Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007; *его же*. История Французской революции: пути познания. М., 2017.

⁴ Бовыкин Д. Ю. Великая? Французская? Революция? (о новой книге А. В. Гордона). — Французский ежегодник 2010. М., 2010.

⁵ Guizot F. Trois générations. 1789—1814—1848. Paris, 1863, p. 54.

⁶ Цит. по: Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 359.

⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 17. М., 1959, с. 322.

⁸ Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы, с. 10.

⁹ Там же, с. 11.

за рубежом название «русской школы» («*école russe*»)¹⁰. Если в других странах, например, в Великобритании или Германии, истоки национальной историографии Французской революции восходили еще к трудам ее современников, то в России разработкой этой темы исследователи занялись довольно поздно — лишь в эпоху реформ Александра II¹¹. В 1911 г. профессор Петербургского университета Николай Иванович Кареев, авторитетный историк, глубоко уважаемый не только на родине, но и за границей, писал на страницах российского журнала «Вестник Европы»: «Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много за ближайшие 30—35 лет не сделал для изучения французской революции и Старого порядка, как русские историки, с которыми в этом отношении не могут быть даже сравнимы историки, принадлежащие к другим национальностям»¹².

Важной чертой «русской школы» стала ее абсолютная интеграция в мировую науку. Российские историки ничуть не в меньшем объеме, чем их французские коллеги, использовали в своих работах материалы центральных и департаментских архивов Франции, а потому в конце XIX — начале XX в. многие труды российских специалистов по истории Революции были переведены и опубликованы во Франции. Позднее, в конце XX столетия, многие из этих переводов будут еще и переизданы¹³. Никогда — ни до, ни после — российские исследования по французской истории XVIII в. не публиковались так часто за рубежом, как в тот период¹⁴.

Характерной особенностью «русской школы» был идейный и методологический плюрализм. Ее представители применяли в своих трудах разные методы и подходы, следуя исключительно собственным вкусам и представлениям о должном¹⁵.

Герье всегда весьма негативно относился к привнесению политики в исторические исследования и подчеркивал, что российские ученые обладают по сравнению с европейскими таким важным преимуществом, как возможность сохранять политическую беспристрастность. К тому времени, когда в России этой тематикой занялись профессиональные историки, среди значительной части российской просвещенной публики уже не одно десятилетие преобладало такое отношение к Французской революции, которое Герцен с полным основанием определял как «культ»¹⁶.

¹⁰ Подробнее см.: *Мягков Г. П.* «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; *его же.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Погодин С. Н.* Русская школа историков. Кареев. Лучицкий. Ковалевский. СПб., 1997.

¹¹ *Чудинов А. В.* История Французской революции: пути познания, с. 13—14.

¹² *Кареев Н. И.* Последние работы русских ученых о французской революции. — *Вестник Европы*, 1911, № 4, с. 318.

¹³ *Guerrier W.* L'abbé de Mably moraliste et politique, étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIIIe siècle. Paris, 1886 (Repr. Genève, 1971); *Loutchisky J.* De la Petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. Paris, 1897; *idem.* L'État des classes agricoles en France à la veille de la Révolution. Paris, 1911; *idem.* La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution (principalement en Limousin). Paris, 1912; *idem.* Quelques remarques sur la vente des biens nationaux. Paris, 1913 (работы И. В. Лучицкого 1897 и 1913 гг. были переизданы позднее под одной обложкой, см.: *Loutchisky I.* Propriété paysanne et ventes des biens nationaux pendant la Révolution française. Introd. de B. Bodinier et É. Teyssier. Paris, 1999); *Karélew N. I.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. Paris, 1899 (Repr. Genève, 1974); *Ardaschew P.* Les intendants de province sous Louis XVI. Paris, 1909 (Repr. Genève, 1978); *Kowalewsky M.* La France économique et sociale à la veille de la Révolution, 2 v. Paris, 1909—1911.

¹⁴ *Чудинов А. В.* История Французской революции: пути познания, с. 13.

¹⁵ Там же, с. 239.

¹⁶ *Герцен А. И.* Au citoyen rédacteur de l' «Homme». — *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 30, кн. 2. М., 1963, с. 502 (оригинал на французском языке).

Не удивительно, что подход к изучению Французской революции, предложенный Герье, по возможности, свободный от политизации, не встретил отклика в среде либеральной интеллигенции. Поэтому наиболее авторитетным и популярным в российском обществе конца XIX — начала XX в. историком этой темы оказался не он, а его ученик Н. И. Кареев¹⁷. Огромный научный и общественный авторитет Кареева, ставшего в то время настоящим лидером «русской школы», объясняется не только его выдающимися исследовательскими способностями (каковыми в полной мере обладал и Герье), но и тем, что его в целом восторженное отношение к Французской революции импонировало настроениям либеральной части общества. Именно Кареев с учениками и единомышленниками определяли пути дальнейшего развития этого направления российской историографии¹⁸.

Однако наступил 1917 год. Распространенный среди российской образованной элиты культ Французской революции стал одним из немаловажных факторов, обусловивших восторженное отношение широких слоев интеллигенции к свержению монархии. По аналогии с хорошо известным ей романтическим образом «революции-праздника» интеллигенция надеялась, что подобным же праздником обернется и революция в России¹⁹. Однако разочарование наступило быстро, и Федор Сологуб в очерке «Крещение грязью» (1918 г.) писал: «Мы поторопились назвать нашу революцию великой и сравнивали ее с великою французскою революцией. Но вот видим, что величия в наших днях мало, и революция наша является только обезьяною великой французской революции»²⁰.

После Октябрьской революции на смену «русскому мифу», охранявшемуся силой мнения «передовой» интеллигенции, пришел новый, «советский миф» о Французской революции, на страже которого стояла теперь уже вся мощь государственной идеологии и репрессивного аппарата²¹. Интерпретация истории Французской революции приобрела государственное значение. Большевики, «отрекаясь от старого мира», пытались обрести легитимацию своей власти в революционном опыте других стран, в первую очередь Франции. Поэтому для советской историографии проблематика Французской революции оказалась не менее важной, чем для французской. После 1917 г. создавались параллельно концепции двух революций — Французской и Русской. Они были теснейшим образом взаимосвязаны, одна подгонялась под другую, выстраивалась жесткая идеологическая схема, подчеркивалось сходство, особенно между большевиками и якобинцами, но и различия: Французская революция — всем хороша, вот только буржуазная! А вот Октябрьская, эта уже настоящая, социалистическая! Но даже «буржуазный» грех Французской революции прощался. Ведь русская революционная интеллигенция, едва только выйдя из шинели Гоголя, начинала примерять на себя сюртук Максимилиана Робеспьера. Апелляции к французскому наследию активно использовались большевистской пропагандой для обоснования мероприятий новой власти в области политики, экономики, культуры.

¹⁷ Подробнее о Н. И. Карееве см., например: *Золотарев В. П.* Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988; *Сафронов Б. Г.* Н. И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995; *Лыскова И. Е.* Научно-педагогическая деятельность Н. И. Кареева. Автореф. канд. дисс. Сыктывкар, 2001; *Павлова Т. В.* Парижские секции времен Великой французской революции конца XVIII века в освещении Н. И. Кареева. Автореф. канд. дисс. Казань, 2011.

¹⁸ *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы, с. 22—23.

¹⁹ Там же, с. 22.

²⁰ «В дни создаваемого ада...» Из публицистики Ф. Сологуба 1918 г. — *Русская мысль*, 17—23.X.1996, с. 11.

²¹ *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы, с. 24.

Соответственно, «правильная» оценка событий Французской революции приобретала огромную идеологическую важность. Эту «правильную» интерпретацию должна была обеспечить новая, советская, марксистско-ленинская историография, подготовка кадров для которой началась уже в годы Гражданской войны. Пришедшие после 1917 г. в науку советские историки еще только начинали постигать азы профессионального мастерства. Даже у признанного лидера советской историографии Французской революции, Н. М. Лукина, брошенного в конце 1918 г. на «исторический» фронт, еще не было ни одной научной публикации. Государству нужны были пропагандисты, а не исследователи. Поэтому даже начинающим историкам-марксистам было свойственно высокомерно-снисходительное отношение к своим предшественникам. Это ощущение превосходства было основано на их глубокой убежденности во всемогуществе марксистского метода объяснения прошлого и преобразования настоящего²². Трудно не согласиться с утверждением А. В. Чудинова, что академик Н. М. Лукин оказался на своем высоком месте во многом именно потому, что наилучшим образом соответствовал требованиям, предъявляемым к исторической науке идеологическим режимом, и фактически являлся «комиссаром партии» на «идеологическом фронте». Что касается научных изысканий Лукина, то, по мнению А. В. Чудинова, даже в своих «аграрных» статьях, намного превосходивших в научном плане все, что он до того времени писал о Французской революции, Лукин выступал в большей степени политическим пропагандистом, нежели исследователем²³.

Развитие советской историографии Революции можно разделить на ряд этапов, которые во многом повторяют основные периоды развития советского государства. В данном отношении совершенно логичной выглядит периодизация, предложенная А. В. Гордоном в его работе «Великая Французская революция в советской историографии». Первый этап — это 1920-е годы, когда историки воспринимали себя товарищами партийного руководства, делающими одно общее дело и представляющими единое революционное братство. Руководители страны, занятые главным образом внутривластной борьбой, охотно прибегая в случае необходимости к историческим экскурсам и параллелям, в целом мало интересовались «историческим фронтом» в науке. Поэтому при всех коллизиях становления советской историографии, методологических амбициях ее представителей относительно обладания «единственно верным учением» творческое, а нередко и организационное взаимодействие «новой» и «старой» школ, по мнению А. В. Гордона, оставалось реальностью до свертывания нэпа и перехода партийного руководства к «чрезвычайщине» и «наступлению по всем фронтам»²⁴.

Советская школа историков Французской революции являла собой полную противоположность «русской школе». Это проявлялось в отсутствии плюрализма, свободы научного поиска, теснейшей связи науки и идеологии, изоляции от мировой науки. Первые советские историки и помыслить не могли о таких возможностях работы за рубежом, какие были у ученых «русской школы» до 1917 г. В конце 1920-х годов произошло определенное послабление, и некоторые советские исследователи сумели провести месяц-другой в стране изучения, но с началом печально известного «Академического дела» (кампании изобличения историками-марксистами «буржуазных ученых») на долгие 30 лет советские историки оказались оторванными от западной науки. В отсутствие доступа к зарубежным архивам

²² Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 215.

²³ Там же, с. 95.

²⁴ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 15.

нашим исследователям приходилось опираться на собственные силы, разрабатывая фонды французских документов, ранее различными путями попавшие в Россию. Специалистам по истории Старого порядка повезло больше, чем исследователям Революции. Именно на основе этих первоклассных источников (коллекции документов Сегье и Ламуаньона, архива Бастилии) были написаны известные труды Б. Ф. Поршнева, А. Д. Люблинской, В. В. Бирюковича, ни в чем не уступавшие по своему уровню работам зарубежных коллег²⁵.

Исследователям же Французской революции пришлось весьма непросто: количество и объем находившихся в СССР фондов по их проблематике были несопоставимы с собраниями документов по истории Старого порядка. Неудивительно, что появившиеся в СССР 1920—1930-х годов многочисленные работы по Французской революции оказались вне основного русла развития мировой науки. За границей почти ничего не знали о развитии науки в Советской России, а если и узнавали, то работы, предлагавшие в большинстве своем марксистско-ленинское «переосмысление» вышедших на Западе исследований, не производили, как правило, особого впечатления на зарубежных коллег²⁶. Исключением из общего правила стали только исследования Я. М. Захера, В. М. Далина и А. В. Адо, получившие широкое международное признание²⁷.

На 1930—1950-е годы приходится второй этап в развитии отечественной историографии. Радикальный поворот в обществе обернулся для исследователей, по терминологии А. В. Гордона, «великой перековкой» с превращением историков в «бойцов партии». Историческая наука превратилась в придаток власти, а советские исследователи оказались изолированными от мировой науки²⁸.

150-летие Революции, пришедшее на конец 1930-х годов, знаменовало рубеж между двумя принципиально разными периодами в ее изучении советскими историками. Именно к этому времени в СССР окончательно утвердилась единая концепция Революции, сформировавшаяся в ходе острых научных и политических дискуссий послеоктябрьского двадцатилетия. Официально одобренная правящей Коммунистической партией, она получила развернутое обоснование в фундаментальном коллективном труде, выпущенном, хотя и с некоторым опозданием, к 150-летию юбилею²⁹. В соответствии с «указанием тов. Сталина» Французская революция стала рассматриваться не как прототип Октябрьской революции, а как ее антипод. Именно тогда появился и «регистрационный ярлык», по выражению А. В. Гордона — «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.»³⁰ Соглашусь с утверждением А. В. Гордона, что главная причина этого поворота была связана с курсом «на ликвидацию элементов “буржуазной демократии” — относительных экономических свобод и идеологических послаблений нэпа»³¹. Как отмечает Д. Ю. Бовыкин в своей статье, посвященной современной историографии Революции, эта концепция доминировала в специальной литературе до начала

²⁵ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 240.

²⁶ См.: *Ducange J.N. La Révolution française et l'histoire du monde. Deux siècles de débats historiques et politiques 1815—1991.* Paris, 2014, p. 197.

²⁷ *Tchoudinov A. France-Russie: «rencontres du troisième type» — L'historiographie de l'Ancien Régime et de la Révolution, in Écrire l'histoire par temps de guerre froide: Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime.* Paris, 2014, p. 26.

²⁸ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 15—16.

²⁹ Французская буржуазная революция 1789—1794. М., 1941.

³⁰ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 121.

³¹ Там же.

1980-х годов, а в научно-популярной и учебной достаточно широко представлена и сейчас³².

Перед историками Французской революции встали новые задачи. Важнейшей из них была легитимация произошедшего в развитии общества и структуре власти поворота. Решать эти задачи были призваны новые люди. Исчезли в лагерях надолго или навсегда почти все ведущие историки: Н. М. Лукин, Г. С. Фридлянд, Я. В. Старосельский, Я. М. Захер, а также многие более скромные представители марксистского направления. Немарксисты, такие как Е. В. Тарле, подверглись основательному перевоспитанию в духе полного подчинения идеологическому канону. Как отмечал А. В. Гордон, революционный романтизм 1920-х годов сменился «социалистическим реализмом», а культ Революции — апофеозом власти³³.

На период от середины 1950-х до конца 1980-х годов приходится третий этап в развитии отечественной историографии. Осуждение культа личности имело самые серьезные последствия для «культуры партийности», по выражению А. В. Гордона. Среди ученых началась дифференциация, развивалось внутреннее дистанцирование от власти при сохранении внешнего конформизма, и на этой основе постепенно легализовались способы ухода от канона. С частичной ликвидацией «железного занавеса» освоение достижений мировой науки сделалось не только возможным, но и необходимым³⁴.

Творчество некоторых историков нашло отклик за рубежом: наиболее «идеологически выдержанных» представителей советской науки стали выпускать за границу, что позволило этим «счастливчикам» установить личные контакты с иностранными коллегами, участвовать в конференциях и работать в зарубежных архивах. Широчайшее международное признание Б. Ф. Поршнева, который, как полагают сами французы, «открыл» для них социальную историю Франции XVII в., отчасти связано с тем, что он одним из первых советских историков получил статус «выездного». Напротив, его постоянный оппонент А. Д. Люблинская в силу своего социального происхождения (дочь священника) не имела таких возможностей, а потому ее труды, тоже основанные на широкой базе архивных документов, во Франции оказались почти не известны³⁵.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов среди западных историков левого толка наблюдался всплеск самого живого интереса к опубликованным еще в 1920-е годы работам Я. М. Захера о «бешеных», которые историк написал на основе скопированных во Франции редких изданий революционной поры. Этот интерес был обусловлен как высоким научным уровнем трудов Захера, так и трагической судьбой их автора, многие годы проведенного в лагерях. К сожалению, со сменой научной моды и поколений исследователей о нем потом опять позабыли³⁶.

Конечно, поездки в зарубежную страну на пару недель или даже на месяц было совершенно недостаточно для того, чтобы собрать материал для монографии. Поэтому обычно все сводилось к выборочному цитированию архивных документов, что позволяло украсить работу, но не обеспечивало ей полноценную источниковую базу. Однако и здесь бывали исключения. В начале 1960-х годов несколько моло-

³² Чудинов А. В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография. — Французский ежегодник 2000. М., 2000, с. 6.

³³ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 16.

³⁴ Там же.

³⁵ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 241.

³⁶ Там же, с. 240. См. также: Гордон А. В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада. — Французский ежегодник 2007. М., 2007; *его же*. Личность и судьба ученого: Яков Михайлович Захер. — Французский ежегодник 2014. М., 2014, т. 2.

дых советских ученых, в том числе будущий классик отечественной историографии Французской революции А. В. Адо, были отправлены в длительные, доходившие до года, командировки в страны изучения³⁷.

Еще одним важным достижением «оттепели» стало открытие для некоторых исследователей коллекций архивных документов по истории Французской революции, хранившихся в фондах Центрального партийного архива при Институте марксизма-ленинизма. Результатом этого послабления стал выход фундаментальной монографии В. М. Далина, посвященной Гракху Бабёфу³⁸, написанной на основе архивных источников и высоко оцененной зарубежными специалистами, а также совместный советско-французский проект публикации архива Бабёфа. Однако этот замысел не был доведен до конца³⁹.

Поэтому, несмотря на то что при благоприятных обстоятельствах советские историки могли вносить и вносили реальный вклад в мировую историографию Французской революции, говорить об органичной интеграции в нее сообщества советских исследователей данной темы в целом, к сожалению, не приходится. Проведенный в 2006 г. российско-французский colloquium о взаимных влияниях советской и французской историографий показал, что за исключением работ Б. Ф. Поршнева, В. М. Далина и А. В. Адо, французские коллеги практически не знакомы с трудами советских исследователей о Старом порядке и Революции⁴⁰.

В немалой степени это связано с еще одним принципиальным отличием советской школы историков от «русской школы». В СССР ученые даже мечтать не могли о том плюрализме идей и подходов, который определял развитие дореволюционной историографии⁴¹.

К концу советского периода в отечественной историографии Французской революции, как в свое время и во французской науке, начался процесс деякобинизации. В нашей стране под прямым влиянием критики «культы личности» он приобрел характер разоблачения лидеров якобинцев и перерос в возрождение форм идеологической полемики 1920—1930-х годов. Заодно обозначились острые различия идейных и отчасти методологических позиций. Революционному романтизму в духе 1920-х годов А. З. Манфреда и В. М. Далина ленинградский профессор В. Г. Ревуненков противопоставил модернизированный классовый подход 1930-х годов, акцентировавший внимание на «буржуазной сущности» якобинской диктатуры⁴².

Отход от якобиноцентризма выразился в постепенном расшатывании идеологического каркаса, в расширении проблемного поля, смещении внимания с политических проблем на социальные процессы, в целостном восприятии революции. Наиболее примечательным признаком этого поворота, по мнению Гордона, явилось «сквозное» изучение крестьянского движения в ходе революции А. В. Адо, имевшее значительный отклик в зарубежной историографии⁴³.

³⁷ См. Бовыкин Д. Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007, с. 53—62.

³⁸ Далин В. М. Гракх Бабёф накануне и во время Великой Французской революции (1785—1794), М., 1963.

³⁹ См. об этом: Чепурина М. Ю. Издание сочинений Гракха Бабёфа: необычный опыт франко-российского научного сотрудничества. — Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII — XX вв. М., 2010, с. 366—370.

⁴⁰ См.: Французский ежегодник 2007: Советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20—80-е годы XX в. М., 2007.

⁴¹ Подробнее см.: Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918—1941, с. 11.

⁴² Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 17.

⁴³ Там же.

На 1970—1980-е годы пришелся и так называемый «спор столиц». Об этом эпическом или, точнее сказать, мифологизированном событии подробно написал А. В. Чудинов в своей книге «Французская революция. Пути познания». Спор «московской» и «ленинградской» школ, представлявшийся порой чуть ли не главным событием всей послевоенной советской историографии, был по большому счету надуманным по причине отсутствия «московской» и «ленинградской» школ как таковых и отсутствия принципиальных разногласий между московскими и ленинградскими коллегами. Самому А. В. Чудинову, тогда молодому ученому, эта «крамольная» мысль пришла в голову после прочтения «Французского ежегодника 1970», а его учитель, Г. С. Кучеренко, лишь укрепил своего аспиранта в этой мысли, мимоходом заявив, что так называемая «московская школа» просто «выдумка». Да и для «ленинградской школы» двух работавших тогда в северной столице историков Французской революции — В. Г. Ревуненкова и С. Н. Короткова — было явно недостаточно⁴⁴. На мой взгляд, подобную же позицию относительно этого спора занимает и А. В. Гордон, отмечая, что полемика Ревуненкова и Манфреда имела окраску традиционного соперничества двух научно-университетских столиц⁴⁵. Однако, несмотря на то что эта борьба «школ» — легенда, она до сих пор является частью официальной истории кафедры Санкт-Петербургского университета⁴⁶.

В целом рубеж 1970—1980-х годов был ознаменован спадом исследований о Французской революции. Как справедливо отмечал Д. Ю. Бовыкин, советские историки повторили путь, пройденный французами в годы революции, и их революционный пафос постепенно поугас⁴⁷. Соглашусь с мнением А. В. Чудинова, что этот спад был связан, в отличие от предшествующих периодов, не с внешними обстоятельствами, а с личностным фактором. Ведь историография Французской революции в нашей стране с самого начала отличалась ярко выраженной ролью лидера. Этот спад был связан с тем, что А. З. Манфред, скорострительно ушедший из жизни в 1976 г., во многом олицетворял собой всю советскую историографию Французской революции тех лет. И после его смерти «зияющую брешь заполнить оказалось нечем»⁴⁸.

Начало Перестройки и утверждение «нового мышления» ознаменовало отказ от идеологической борьбы как *modus vivendi* советской исторической науки. Начался новый этап в ее развитии. Наука стала по-настоящему гражданской историей, а упразднение монополии на власть правящей партии предельно сократило ее пространство как таковой. Начавшееся с середины 1980-х годов постепенное ослабление, а затем и полное исчезновение идеологического пресса Коммунистической партии и государства, постоянно давившего на советских историков Французской революции, открыло возможности для свободного поиска и эксперимента в области методологии, для творческого восприятия передовых достижений зарубежной науки, в том числе ее направлений, занимавших критическую позицию по отношению к марксизму.

Помимо упразднения идеологического прессинга, еще одним фактором, в немалой степени повлиявшим на развитие историографии Французской революции,

⁴⁴ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 102.

⁴⁵ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 293.

⁴⁶ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 104. О традиции изучения истории Франции нового и новейшего времени, в том числе Французской революции, в Санкт-Петербургском государственном университете см. Adamova N. E., Baryshnikov V. N., Goncharova T. N., Borisenko V. N., Kerautret M. *Studies in Modern French History at Saint-Petersburg State University*. — Вестник СПбГУ. История, 2016, вып. 3, с. 162—169.

⁴⁷ Бовыкин Д. Ю. Великая? Французская? Революция?, с. 457.

⁴⁸ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 119.

стала происшедшая в ней смена поколений. В 1950—1970-е годы признанными лидерами советской историографии Французской революции были А. З. Манфред (1906—1976) и В. М. Далин (1902—1985), два выдающихся представителя поколения «романтиков революции», пришедших в науку вскоре после 1917 г. С их кончиной научное лидерство в этой области перешло к А. В. Адо (1928—1995) и Г. С. Кучеренко (1932—1997). Сформировавшиеся как специалисты в период «оттепели» и уже в 60-е годы имевшие возможность заниматься исследовательской работой во Франции, оба они были далеки от воинствующего марксизма предшественников и гораздо больше, нежели те, открыты к восприятию современных веяний в мировой, в том числе немарксистской, историографии. Эти качества они постарались передать своим ученикам. Радикальные изменения, которые претерпела в последние десятилетия отечественная историография Французской революции, во многом оказались связаны с деятельностью этих ученых и созданных ими научных школ.

Конец 1980-х годов, совпавший с 200-летним юбилеем Революции, можно считать началом следующего этапа в развитии историографии, продолжавшегося до конца столетия. Юбилей Французской революции в нашей стране каждый раз влекли за собой важные перемены в ее историографии. В высшей степени это применимо к 200-летнему празднованию Французской революции, проходившему в условиях методологического плюрализма. Наряду с ритуальным смотром «достижений» и парадными речами на различных конференциях проходили «круглые столы», знаменовавшие крушение подхода, утвердившегося в советской историографии к моменту прошлого, 150-летнего юбилея революции.

Знаковым событием в развитии отечественной науки стал «круглый стол» 1988 г., состоявшийся в Институте всеобщей истории, на котором удалось собрать всех, кто занимался тогда исследованиями по Революции (за исключением не приехавшего В. Г. Ревуненкова). Причем практически все выступления, как маститых ученых, так и представителей новой формации, содержали прямую или косвенную критику канонического для советской историографии объяснения Французской революции⁴⁹.

В ходе работы этого «круглого стола» выявился принципиальный момент: «тектонические сдвиги» в историографии произошли удивительно быстро и весьма болезненно, не вызвав никакой научной дискуссии между сторонниками новой и старой интерпретации Революции⁵⁰. Смена исследовательских парадигм не сопровождалась «дракой на межах» во многом потому, что, как писал А. В. Чудинов, «“деланка” марксистско-ленинской науки находилась к тому времени в весьма запущенном состоянии. Желавших охранять ограждающие ее “вехи” не находилось, и тем, кто вновь пришел сюда, оставалось только снять эти “вехи” и спокойно перенести на другое место»⁵¹.

Вместе с СССР советская школа изучения Французской революции стала историей. Суть перехода к новой эпохе и новой науке выражают слова А. В. Адо, которые теперь постоянно цитируются в исследованиях по историографии. Незадолго до своей кончины в 1995 г. А. В. Адо констатировал: «Советская историография Французской революции завершила свое существование. На смену ей идет становление новой российской историографии Французской революции.

⁴⁹ Там же, с. 145.

⁵⁰ Там же, с. 121.

⁵¹ Там же, с. 128.

Она не утрачивает преемственности с наиболее позитивным наследием историографии советской, но она принадлежит уже к иному времени и имеет свое особое лицо»⁵².

Казалось бы, с распадом Советского Союза и ликвидацией жесткого идеологического прессинга появилась потрясающая возможность наверстать упущенное, переосмыслить ключевые моменты и изучать Революцию свободно и объективно. Однако оказалось, что и на революции бывает мода. А в условиях доминирования мысли о том, что именно эволюционный, мирный, реформистский путь развития общества является предпочтительным, именно к таким, мирным и реформистским, этапам в развитии общества в значительной степени сместился научный интерес, тем более что эти проблемы были, действительно, не разработаны.

В результате «круглый стол» 1988 г. не привел к дальнейшей научной дискуссии, и после «коммеморативного бума» следующего, юбилейного, года историческая общественность быстро пресытилась проблематикой Французской революции⁵³. Кроме того, несмотря на торжество методологического плюрализма и отсутствие канона, внешнее давление на науку, считает А. В. Гордон, сохранялось. Различные политические силы и административные структуры, запросы общественного мнения и средств массовой информации вкупе с различными фондами пытались навязывать свою, корпоративно-ведомственную, «партийность»⁵⁴.

Стереотипы и штампы, формировавшиеся десятилетиями, оказались необычайно живучими и преодолевались трудно. Это было связано и с тем, что учебники, даже новые, писались все теми же людьми, теми самыми «бойцами идеологического фронта», которые, слегка подкорректировав форму, не меняли сути⁵⁵. Преподаватели, люди старой закалки, порой те самые прежние «бойцы идеологического фронта», также далеко не всегда могли быстро «перестроиться», тем более что часто это было связано с их искренними личными убеждениями, да и просто потому, что «их так учили». Но, что характерно, даже молодое поколение исследователей, в том числе франковедов, не занимающихся непосредственно Французской революцией, но исследующих весьма близкие сюжеты, порой тоже находится во власти прежних установок. Не говоря уже о студентах. Приходишь на семинар и слушаешь, как зачарованная: «Великая французская буржуазная революция». Студенты повторяют это как мантру, как заклинание. Не иначе, как с молоком матери впитали. Наверное, еще прошло слишком мало времени, чтобы произошли изменения в сознании.

С падением политического режима, напрямую связывавшего свое происхождение с мировой революционной традицией, историческая память о революционных событиях во Франции перестала быть для российского общества средством самоидентификации. В отличие, к примеру, от истории Октябрьской революции или Великой Отечественной войны, история Французской революции перестала восприниматься как нечто, напрямую связанное с нашей современностью, а тема утратила свою былую идеологическую актуальность⁵⁶. После 1991 г. прежний, политически ангажированный интерес к Французской революции мгновенно испарился. Примером этому может служить недавний 100-летний юбилей Октябрьской револю-

⁵² Адо А. В. Письмо профессору Шен Ченсину. — Вестник Московского университета. История, сер. 8, 1996, № 5, с. 32.

⁵³ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 162.

⁵⁴ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 18—19.

⁵⁵ См.: Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Под ред. Е. Е. Юровской и И. М. Кривогуза. М., 1997; Новая история стран Европы и Америки. Под ред. И. М. Кривогуза. М., 2002.

⁵⁶ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 221.

ции, который, конечно, вызвал появление ряда компаративных исследований двух революций⁵⁷, однако Французская в данном случае привлекала внимание именно как объект сравнения, а не сама по себе. Широкой публике сегодня, по большому счету, безразлична как ее критика, так и апология. И это хорошо, ведь едва ли не впервые в российской истории данная тема стала предметом сугубо академического анализа. И на «руинах исторической памяти», по образному выражению А. В. Чудинова, появились первые всходы научных исследований, посвященных сюжетам, для прежней истории-памяти не слишком удобных⁵⁸.

Экономические и политические процессы, происходившие в нашей стране на рубеже веков, привели к тому, что далеко не все молодые и подававшие большие надежды исследователи, в том числе историки Французской революции, остались в корпорации. Кто-то вместе с государством и экономикой «перестроился», выбрал другие цеховые организации и гильдии, более доходные, выгодные и перспективные. Подавляющее же большинство представителей того многочисленного поколения историков Революции, чье профессиональное становление пришлось на преддверие ее 200-летнего юбилея и чьи усилия и была осуществлена «смена вех», вскоре после этого ушли из историографии революционной проблематики: З. А. Чеканцева сосредоточила внимание на общих проблемах историописания; Е. М. Кожокин, ставший проректор МГИМО, практически не занимается изучением Революции; Е. О. Обичкина переориентировалась на современную Францию в контексте международных отношений; Л. А. Пименова уже многие годы плодотворно исследует историю Франции времен Старого порядка; С. Я. Карп и Н. Ю. Плавинская — историю века Просвещения и т.д.⁵⁹

Однако энтузиасты, на которых всегда держалась наука, остались. И именно эти люди, пережившие вместе со страной перипетии начала века и оставшиеся в профессии, и составляют современную корпорацию историков Французской революции и олицетворяют современный этап в развитии ее историографии. Из ныне практикующих историков Революции, пожалуй, только С. Ф. Блуменау, А. В. Гордон и А. В. Чудинов начали свой научный путь еще в советское время; остальные — это уже чисто российская формация исследователей, т.е. А. В. Адо, говоря об «особом лице» новой российской историографии, вероятно, и не подозревал, сколь молодым оно в конечном итоге окажется.

Начиная с XX столетия в развитии мировой культуры прослеживается важная тенденция: организация выставки или даже демонстрация на ней одной картины, публикация книги могли вызвать рождение нового стиливого направления. Так было с Осенним салоном 1905 г., ознаменовавшим появление фовизма; так было с «Авиньонскими девицами» Пабло Пикассо, символизировавшими «торжественный поворот» к кубизму. Аналогичные явления происходили и в науке. Случившийся в 1980—1990-е годы радикальный демонтаж советского «канона» трактовки Французской революции, носивший, воистину, революционный характер, теперь нередко именуют «сменой вех» (*changement de jalons*)⁶⁰. Название было определено

⁵⁷ См., например, интервью А. В. Чудинова журналу «Историк»: Чудинов А. В. Культ революции. — Историк, 2017, № 6 (30).

⁵⁸ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 221.

⁵⁹ Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века, с. 62.

⁶⁰ См., например: Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 335; Dorigny M. Avant propos. Les Historiens russes et la Révolution française après le Communisme. — Étude révolutionnaires. Paris, 2003, № 5, p. 8; Mazauric Cl. Histoire de la Révolution française. —

одноименной статьей А. В. Чудинова⁶¹. По словам самого историка, дав когда-то своему тексту такой заголовок, он «и не предполагал, что образ придется по вкусу российским и французским коллегам и будет принят ими в качестве имени нарицательного»⁶². На мой взгляд, эта программная статья А. В. Чудинова сопоставима по своим масштабам и последствиям со знаменитой лекцией Альфреда Коббена «Миф о Французской революции», прочитанной им в 1954 г. и давшей рождение «новым прочтениям» Революции, а также с лекциями В. И. Герье, ознаменовавшими появление «русской школы» Французской революции. Можно сказать, что статья А. В. Чудинова положила начало институциональному оформлению нового направления в развитии отечественной историографии Французской революции, получившего наименование «новой русской школы»⁶³.

Ненужное всегда рано или поздно выхолащивается, а нужное, настоящее, остается и возрождается. Весьма символично, что статья «Смена веков» была опубликована в возрожденном в 2000 г. легендарном научном издании «Французский ежегодник», впервые увидевшем свет в далеком 1959 г. Начало второй жизни издания, пришедшееся на переходные времена, было очень непростым. Однако «Французский ежегодник», закаленный почти десятью годами автономного плавания, под руководством А. В. Чудинова не просто пережил экономический кризис 2008 г., но превратился в ведущее международное издание. Расширилась проблематика ежегодника: несмотря на то что Французская революция является его смыслообразующим направлением, он открыт и для медиевистов, и для специалистов по новейшей истории, а собственная история «Французского ежегодника» стала неотъемлемой частью истории изучения в нашей стране Французской революции.

Но вернемся к «новой русской школе». Откуда пошло это название профессионального сообщества постсоветских исследователей Французской революции? Как пишет сам А. В. Чудинов, сегодня уже трудно установить, кто именно запустил в оборот этот термин. С большей или меньшей степенью вероятности можно лишь утверждать, что он появился во Всемирной паутине на рубеже нынешнего и прошлого столетий⁶⁴. Понятие «новая русская школа» сначала вошло в устный оборот, а потом быстро прижилось в научной среде, причем не только в русскоязычной, но и иностранной⁶⁵.

Являясь третьим этапом развития российской историографии Французской революции, «новая русская школа» сохраняет преемственность с обеими предыдущими. С «русской школой» ее сближают полный методологический плюрализм, акцентированное отмежевание от идеологически и политически окрашенных трактовок Французской революции, а также активная интеграция в международное научное сообщество. Преемственность с советской школой прослеживается в тематике части проводимых исследований и стремлении рассматривать Революцию в

L'Humanité, 7.IV.2004; *Vovelle M.* La bataille du bicentenaire de la Révolution française. Paris, 2017, p. 228—229.

⁶¹ См.: Чудинов А. В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография; *Tchoudinov A.* La Révolution française: de l'historiographie soviétique a l'historiographie russe, «changement de jalons». — Cahiers du monde russe, 2002, № 2/3.

⁶² Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 244.

⁶³ Процесс «смены веков» получил подробное освещение в исторической литературе, поэтому в рамках настоящей статьи мы не будем на нем останавливаться. См.: Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века; Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии, гл. 7.

⁶⁴ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 237.

⁶⁵ *Ducange J., Tchoudinov A.* La Révolution comme modèle et comme miroir (URSS, Chine, Japon). — Annales historiques de la Révolution française, 2017, № 1 (387).

неразрывной связи с последующим периодом Наполеоновской империи, как это делал В. Г. Ревуненков⁶⁶. Схожий подход характерен и для ряда французских авторов новейших обобщающих трудов⁶⁷.

«Мозговой центр» «новой русской школы» составляют А. В. Чудинов, его коллеги, прежде всего Д. Ю. Бовыкин, и его ученики, тоже уже ставшие остепененными специалистами и авторами собственных монографий: Е. А. Прусская, А. А. Митрофанов, Н. В. Промыслов, М. Ю. Чепурина.

К настоящему времени в развитии «новой русской школы» можно выделить два периода, характеризующиеся разной тематикой исследований.

Во второй половине 1990—2000-х годов основные направления исследований «новой русской школы» определялись стремлением ее представителей обрести собственную идентичность, отличную от советской школы. Этим был обусловлен повышенный интерес историков к практически не изучавшейся в советское время консервативной и «ревизионистской» («критической») историографии Французской революции. Советским исследователям об этих направлениях историографии полагалось писать только в обличительном тоне, создавая «опровержения буржуазных фальсификаций истории»⁶⁸. В рамках «новой русской школы» подобные трактовки революционных событий стали предметом сугубо академического анализа⁶⁹.

Кроме того, развернулись активные исследования по истории изучения Французской революции в СССР⁷⁰. Следовало понять, от чего в советском наследии нужно было отказаться, а что имело смысл сохранить. Обсуждение этих вопросов спровоцировало небольшую заочную полемику между двумя историками разных поколений из МГУ — В. П. Смирновым и Д. Ю. Бовыкиным, тогда еще молодым, но активным исследователем Французской революции. В. П. Смирнов отрицательно воспринял историографическую «смену вех», фактически объявив ее всего лишь конъюнктурной реакцией на новые политические реалии⁷¹. Д. Ю. Бовыкин же убедительно доказал, что перемены в трактовках Революции были вызваны отнюдь не идеологическими, а сугубо научными факторами⁷².

Подробнейший анализ советской историографии за все 70 лет ее существования представил тогда в серии статей и двух монографий старейшина профессиональной корпорации российских историков Французской революции А. В. Гордон. В своей первой книге «Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918—1941»⁷³ автор, имеющий опыт личного общения с историками, стоявшими у истоков советской историографии, исследует бурную и

⁶⁶ Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789—1814 гг. СПб., 1996.

⁶⁷ См.: Leuwers H. La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnaire (1787—1815). Paris, 2011; Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. Paris, 2011.

⁶⁸ Подробнее см.: Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы, ч. II, гл. 1.

⁶⁹ Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996; Блументал С. Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания: Французская историография революции конца XVIII в. (1945—1993 гг.). Брянск, 1995.

⁷⁰ Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918—1941; *его же*. Великая французская революция в советской историографии; Бовыкин Д. Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память.

⁷¹ Смирнов В. П. Две жизни одного издания. — Новая и новейшая история, 2002, №. 3, с. 219—226.

⁷² Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века, с. 51.

⁷³ Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918—1941.

трагическую историю становления советской историографии Французской революции, вписывая ее в контекст времени⁷⁴. Вторая книга А. В. Гордона посвящена всему периоду существования советской историографии⁷⁵. Автор проанализировал своеобразную научную революцию в историографии. Если в первой книге Гордон рассматривал, по его собственным словам, советскую историографию как скорее политико-идеологический феномен, то во второй — как феномен культурный, как особое культурно-историческое явление⁷⁶.

Монографии представляют очень личный взгляд на изучаемый предмет. Это сопереживание, сопричастность автора тому, о чем он пишет. Но это не оправдание, как может показаться на первый взгляд, а, скорее, попытка объяснить и понять. Ведь история советской исторической науки — это и история автора, история историка. Автор, на мой взгляд, успешно справился с поставленной задачей: «воссоздать и оценить советскую историческую науку во всей ее целостности, понять ее связь с отечественной традицией, как и особенности взаимодействия с зарубежными школами и направлениями»⁷⁷. Так А. В. Гордон характеризует современную тенденцию в развитии исторического знания, но эти слова в полной мере применимы и к его собственной книге.

В 2007 г. вышла в свет монография А. В. Чудинова «Французская революция: история и мифы», в которой автор показывает, что история Французской революции во все времена была сопряжена с мифами. Свой миф о революции был у русской интеллигенции XIX в., большевики внесли собственный вклад в процесс мифотворчества, и многие из этих стереотипных представлений существуют до сих пор. Ведь, как отмечает автор в предисловии к книге, «... чем больше людей повторяет то или иное суждение, тем труднее усомниться в его истинности, особенно, если в числе его сторонников оказываются уважаемые профессионалы». И даже если такое суждение было ошибочным, но это не сразу установили, то со временем авторитет традиции превращает его в «прописную истину», расхожий стереотип, поставить под сомнение который и в голову никому не приходит⁷⁸. Выявлению историографических «фантомов» о Французской революции, исследованию механизмов их формирования и посвящена книга А. В. Чудинова, завершающаяся кратким очерком истории Французской революции, как она видится в свете новейших достижений мировой историографии. Конечно, это лишь одна из версий событий Революции, о чем пишет сам автор, но, на мой взгляд, версия весьма убедительная, аргументированная и достоверная.

Характерно, что, А. В. Чудинов и А. В. Гордон, далеко не всегда совпадающие в своих взглядах, в том, что касается современного состояния российской историографии Французской революции, придерживаются, осознанно или нет, единого постмодернистского подхода. Так, Гордон указывает на многовекторность и многолинейность исторического знания и воспринимает историографию как «многоуровневое автономное сооружение, части которого находятся во взаимозависимом и вместе с тем сложном, подчас противоречивом соотношении друг с другом»⁷⁹.

⁷⁴ О книге Гордона см.: Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 211—220.

⁷⁵ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. Рецензии на эту книгу см.: Бовыкин Д. Ю. Великая? Французская? Революция? с. 443—458; Корзун В. П., Чеканцева З. А. Бриколаж по-советски: размышления о книге А. В. Гордона. — НЛО, 2010, № 104.

⁷⁶ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 7—8.

⁷⁷ Там же, с. 18.

⁷⁸ Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы, с. 7.

⁷⁹ Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии, с. 7.

По его мнению, «на смену апологетике недавнего прошлого, а затем и уничижительности антикоммунистического отрицания приходит понимание, соответствующее [...] методологическим установкам современной культурологии»⁸⁰. А. В. Чудинов выходит на эту же парадигму посредством гегелевского закона отрицания отрицания, наглядной иллюстрацией которого, по его мнению, является современная историография Французской революции. Став в определенном смысле отрицанием советской исторической школы, которая, в свою очередь, была отрицанием «русской школы», нынешнее профессиональное сообщество историков имеет гораздо больше общего с последней, нежели со своей непосредственной предшественницей⁸¹.

Но вновь вернемся к «новой русской школе». Прежде всего, ее сходство с наследием Герье проявляется в абсолютном идейном и методологическом плюрализме. Последние 20 лет отечественные исследователи Французской революции активно разрабатывают сюжеты, в советское время представлявшиеся весьма рискованными, а то и вовсе неприемлемыми с идеологической точки зрения. Если советская наука рассматривала Французскую революцию преимущественно «снизу» и «слева», изучая по большей части роль народных масс и левых течений, то российские историки, не ограниченные жесткими идеологическими рамками, свободно перемещаются по всему спектру революционной эпохи. А. В. Тырсенко, продолжая начатые им ранее исследования о фельянах, предшественниках либерализма в период Революции, выпустил монографию о Э. Ж. Сиейсе⁸². Серию статей о конституционных монархистах опубликовала В. Ю. Сергиенко⁸³.

Д. Ю. Бовыкин завершил ранее начатый им цикл исследований о термидорианцах изданием монографии «Революция окончена? Итоги Термидора»⁸⁴. Эта работа об одном из «неудобных» сюжетов, выполненная на основе широкого комплекса французских архивных документов, вписывается в общий спектр идущих в мире исследований по термидорианской тематике. Не уступает лучшим зарубежным образцам и новая книга Д. Ю. Бовыкина, посвященная «королю без королевства» Людовику XVIII⁸⁵. Помимо того, что в монографии исследуется комплекс проблем, связанных с феноменом «контрреволюции», остававшейся прежде в тени исследовательского внимания, книга Д. Ю. Бовыкина выводит на переосмысление кардинальных вопросов постреволюционного развития Франции в начале режима Реставрации.

В 2010-е годы в центре исследовательских интересов российских историков Французской революции оказались научные проблемы, уже напрямую не связанные с наследием советской историографии. Одним из приоритетных направлений этого периода стали имагологические исследования, т.е. изучение образа Другого и, прежде всего, образа Врага, осуществляемые на материале Французской рево-

⁸⁰ Там же, с. 8.

⁸¹ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 245.

⁸² Тырсенко А. В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999; *его же*. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.

⁸³ Сергиенко В. Ю. Французская революция глазами конституционных монархистов (опыт эмиграции). — Французский ежегодник 2001. М., 2001, с. 187—200; *ее же*. Жан-Жозеф Мунье (1785—1806) — идеолог монархизма в годы Французской революции. — Новая и новейшая история, 2008, № 3, с. 198—214.

⁸⁴ Бовыкин Д. Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

⁸⁵ Бовыкин Д. Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794—1799. М., 2016.

люции и Наполеоновских войн⁸⁶. Если работы об истории изучения Французской революции в СССР были продиктованы стремлением определить место постсоветской историографии относительно ее предшественницы, а всплеск интереса к политическим группировкам правее якобинцев во многом являлся реакцией на «якобиноцентризм» советской историографии, то имагологические работы по истории Революции и Наполеоновской империи диктовались исключительно научным интересом без какой-либо оглядки на предыдущую эпоху.

Другим основным направлением исследований историков «новой русской школы» в 2010-е годы стало изучение в исторической ретроспективе конфликта либерально-демократической и традиционалистской парадигм, лежащего в основе многих глобальных проблем современности. Работы по этой тематике ведутся под руководством А. В. Чудинова в творческом пространстве созданной в 2014 г. лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» Института всеобщей истории РАН. Несмотря на относительно недавнее возникновение лаборатории, результатом ее деятельности стала публикация целой серии работ о сопротивлении революционной экспансии как в самой Франции, так и за ее пределами, а также о взаимоотношениях просвещенных элит и «низов» общества в революционном процессе⁸⁷.

Как видим, методологический арсенал современных историков Революции разнообразен. Помимо названных работ по имагологии, это и социокультурный анализ истоков Вандейского восстания⁸⁸, и работы в жанре микроистории по частным сюжетам революционного времени⁸⁹. Уже по одним названиям работ можно сделать вывод о разнообразии тем и подходов, представленных в современной отечественной историографии Революции. Более подробно с изучаемой проблематикой можно ознакомиться по библиографическим спискам работ по истории Франции, регулярно выходящими во «Французском ежегоднике».

⁸⁶ См., например: *Митрофанов А. А.* Образ России в общественном мнении революционной Франции (по материалам публицистики и печати). Автореф. канд. дисс. М., 2010; *его же.* Образ России в политической публицистике Франции периода якобинской диктатуры (на примере «Путешествия в Россию» П.-Н. Шантро. — Новая и новейшая история: межвуз. сб. науч. трудов, вып. 23. Саратов, 2008, с. 46—61; *Митрофанов А. А., Оливье-Шахновская Ж.* Образ России в прессе революционной Франции 1789—1792 гг. (на примере газеты «Монитёр»). — Европа: Международный альманах, вып. 6. Тюмень, 2006, с. 64—74; *Пруская Е. А.* Арабские хроники как источник по истории Египетской экспедиции Бонапарта. — Французский ежегодник 2010, с. 274—290; *ее же.* Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта. — Новая и новейшая история, 2012, № 4, с. 176—182; *ее же.* Французская экспедиция в Египет 1798—1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М., 2016; *Промыслов Н. В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016; *Чудинов А. В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании. — Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012.

⁸⁷ См., например: *Бовыкин Д. Ю.* Король без королевства: Людовик XVIII и французские роялисты в 1794—1799 гг. М., 2016; *Чепурина М. Ю.* Истоки и механизм Лионского восстания 1793 года. — Французский ежегодник 2016: протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016, с. 66—96; *ее же.* Грах Бабёф и «заговор равных». М., 2017; *Пруская Е. А.* Антифранцузское движение протеста в Египте 1798—1801 гг. — Французский ежегодник 2016, с. 125—144; *Чудинов А. В.* Народы против Французской революции. — Там же, с. 4—35; *Зайцева Д. В.* Сентябрьские убийства 1792 года в политической карьере Ж.-Л. Тальен. — Там же, с. 97—108, и др.

⁸⁸ *Мягкова Е. М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII—XVIII веках. М., 2006.

⁸⁹ См.: *Чудинов А. В.* Будни Французской революции (истории заключенных в Нижней Оверни, рассказанные ими самими). — Казус: индивидуальное и уникальное в истории, вып. 2. М., 1999; *Бовыкин Д. Ю.* Король умер?.. (посмертная судьба Людовика XVII). — Казус: индивидуальное и уникальное в истории, вып. 6. М., 2005.

Условия работы российских ученых кардинально отличаются от тех, в которых находились их советские предшественники. Длительные научные поездки за рубеж давно утратили былую уникальность. Подавляющее большинство названных выше работ написано с использованием документов и редких изданий из французских архивов и библиотек.

По степени интегрированности исследований в международную историографию современные российские исследователи Французской революции значительно превосходили советских историков, хотя и не поднялись пока на уровень ученых «русской школы», регулярно издававших свои работы за рубежом. За последние годы российскими исследователями были подготовлены и опубликованы во Франции два сборника статей⁹⁰, специализированный выпуск журнала «Annales historiques de la Révolution française»⁹¹, многотомная публикация источников⁹² и целый ряд статей.

Продолжая размышления о развитии отечественной исторической науки, А. В. Чудинов в 2017 г. опубликовал монографию «История Французской революции: пути познания». В своей статье я уже много раз опиралась на эту книгу и неоднократно ее цитировала, но это неизбежно: монография А. В. Чудинова — это многослойная книга в книге, это гипертекст, когда индивидуальный путь и судьба автора вплетены и интегрированы в хитросплетения отечественной историографии Французской революции. Это взгляд изнутри, из корпорации; это взгляд историка, который формировался в советской школе, но который, как и Герье, был и остается открытым для диалога и не зашорен идеологическими рамками.

Подводя итог, можно согласиться с мнением А. В. Чудинова, что стихийно возникшее понятие «новая русская школа» утратило со временем свой ироничный оттенок и имеет полное право на существование. Оно прекрасно выражает специфику современной отечественной историографии Французской революции — возрождение лучших традиций «русской школы» в новой России⁹³.

* * *

За 150 лет отечественная историография Французской революции проделала сложный, даже драматичный путь от блестящей «русской школы» к школе советской, сопряженной как со значительными достижениями, так и с не менее серьезными потерями, а потом и к «новой русской школе». Ровно через полтора столетия после прочтения курса лекций В. И. Герье в Московском университете рондо свершилось.

Д. Ю. Бовыкин в своей статье, посвященной анализу российской историографии Французской революции в 1995—2005 гг., сделал прогноз относительно ее развития в последующие 10 лет: «Окончательно станут нормой работы, основанные на архивных источниках (в том числе и преимущественно на французских); историки вряд ли договорятся о терминах, но придут к более или менее устоявшейся терминологии; и хочется надеяться, наконец-то появятся обобщающие работы, написанные на современном уровне»⁹⁴. Прогнозы, конечно, вещь неблагодарная,

⁹⁰ Les Historiens russes et la Revolution française après le Communisme. Étude révolutionnaires. Sous dir. V. Smirnov. Paris, 2003; Écrire l'histoire par temps de guerre froide: Soviétiques et Français autour de la crise de l'Ancien régime. Sous dir. S. Aberdam, A. Tchoudinov. Paris, 2014.

⁹¹ L'image de l'ennemie a l'époque des guerres napoléoniennes. — Annales historiques de la Révolution française, 2012, № 4 (369).

⁹² *Ротте Г.* Correspondance. Édition établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy, A. Tchoudinov. 5 v. Clermont-Ferrand, 2006—2014.

⁹³ Чудинов А. В. История Французской революции: пути познания, с. 248.

⁹⁴ Бовыкин Д. Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века, с. 73.

в том числе и в случае с исторической наукой. Французские архивные документы активно осваиваются, но вот о терминах, на мой взгляд, продолжают спорить. С отказом от создания генерализованных схем и конструкций во многом связан тот факт, что нового обобщающего труда по истории Французской революции, написанного с учетом всех изменений в оценке ее важнейших проблем, так и не появилось. Зато микроистория, история повседневности, история ментальностей, имагология и другие направления — это те сферы, где нынешнее поколение историков Французской революции упорно и плодотворно трудится; каждый пишет свою собственную историю Революции, прокладывает русло своего собственного ручейка. И однажды эти ручейки разнообразных «историй» Революции сольются в полноводную реку, и тогда появится обобщающий труд. Конечно, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Но река Французской революции необычайно полноводна, и она постоянно меняется: появляются новые источники, новые интерпретации, новые прочтения старых текстов. Кроме того, Французская революция настолько обросла мифами и штампами, и они, как илистые наслоения, настолько «засорили» и «замутили» реку, что необходим критический анализ чуть ли не всех освященных традицией историографических стереотипов. Поэтому пожелаем отечественной историографии Французской революции продолжения этого долгого и плодотворного плавания по волнам познания!